

**Лозина-Лозинский Алексей
Константинович**

Тротуар

Стихи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А47

А47 **Алексей Константинович Л.**
Тротуар: Стихи / Лозина-Лозинский Алексей Константинович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 50 с.

ISBN 978-5-519-93773-3

ISBN 978-5-519-93773-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

L'art poétique.

A quelle existence triste, précaire et misérable... se voue celui qui s'engage dans cette voie douloureuse qu'on nomme la carrière des lettres!.. les nerfs s'irritent, le cerveau s'enflamme, la sensibilité s'exacerbe; et la nevrose arrive avec ses inquiétudes bizarres, ses insomnies hallucinées, ses souffrances indéfinissables, ses caprices morbides, ses depravations fantasques, ses engouements et ses repugnances sans motif, ses énergies folles et ses prostrations épuisées, sa recherche d'excitants et son dégoût pour toute nourriture saine.

Theophile Gautier.

* * *

Barbarus hic ego sum, quia
non intellegior illis

Ovid. Trist. Veleg. 10. v. 37.

Размѣръ моихъ стиховъ есть поступь легионовъ,
Разбитыхъ варваровъ, бургундовъ иль тевтоновъ,
Безчисленныхъ, густыхъ, ползущихъ въ тѣмѣ и въ тѣму,
Однообразныхъ тучъ, угрюмыхъ ко всему,
Гуль низколобыхъ ордъ, раскаты долгихъ стоновъ,
Немолчный Океанъ глухихъ и грозныхъ звоновъ,
Насмѣшки вѣрящихъ во власть нѣмыхъ Законовъ
И бросившихъ свой край такъ, вдругъ, ни-почему...

И голосъ музы—кличъ. Медлительный, безбожный,
Но и разсудочный, и хищно осторожный,
Грудной и мѣдный зовъ сѣдого трубача.
Распространяетъ вдругъ его труба, рыча,

Какъ самка дальняя въ своей тоскѣ тревожной,
Меланхолическій вой, свирѣлый, безнадежный,
И ноги въ поножахъ во мракѣ волоча,
Всѣ варвары гремятъ, опрастывая ножны.

MAESTRO.

Кто мальчикомъ еще тайлся и любилъ
Портъеры тяжкія и запахъ фоліанта,
Робъ-Роя, Зигфрида и капитана Гранта,
Кто плакалъ безъ причинъ, былъ нѣженъ, былъ безъ силъ—
Того отмѣтилъ Богъ проклятіемъ таланта.
Быть можетъ, Богъ его въ раздумьи уронилъ
На красные цвѣты запущенныхъ могилъ,
Не зная, что создать—пигмея или гиганта.

Сталъ мальчикъ юношей, и лампа Алладина
Вела его въ толпѣ фиглярровъ и бродягъ,
На немъ была всегда минутная личина,
Его влекла къ себѣ бездонная трясина,
Онъ былъ влюбленъ въ намекъ, въ уродливость, въ зигзагъ,
И ночью мучила его Первопричина,
Когда взбирался онъ пугливо на чердакъ,
Гдѣ, точно blanc-поиг, легли луна и мракъ.

Сталъ взрослымъ юноша, когда онъ понялъ сухо,
Что непонятна почъ, а лозунгъ дня «дави»...
О, у него былъ стиль, и взглядъ, и тонкость слуха,
И сердце было все въ запекшейся крови!
Il bravo мэтромъ сталъ... Лови успѣхъ, лови!
Но по ночамъ поэтъ въ подушку плачетъ глухо,
Что въ жизни онъ не зналъ самоотдачи духа,
Простой, не мыслящей, безсмысленной любви!..

ВЪ БИБЛИОТЕКЪ.

Мучительно сознать, что мы изъ старыхъ нитей
Плетемъ свою канву, ненужные творцы;
И въ библиотекѣ стыдится духъ открытій
Средь сотенъ тысячъ книгъ, гдѣ спать ихъ близнецы.

Любой покойникъ зналъ всѣ наши сны и рѣчи
И лавры древнихъ словъ хранить любой экстазъ...
Мы открываемъ Богъ, какъ будто мы Предтечи,
Мы плачемъ, мы творимъ, какъ будто просить насъ...

Навѣрно человѣкъ когда-нибудь устанетъ
Блуждать за новизной подъ добрый смѣхъ вѣковъ;
Быть-можетъ, нѣкогда земля безмолвной станетъ

И люди будутъ жить съ ироніей боговъ
И въ библиотекѣ улыбкой сфинкса ранить
Братъ брата своего средь саркофаговъ словъ.

НА КЛАДБИЩѢ.

Средь бѣлыхъ-бѣлыхъ плить тоскливо воютъ души,
Съ небесъ безжалостно глядятъ глаза Астарты
И, какъ зловѣщія и умныя старухи,
Законы Космоса играютъ молча въ карты.

Въ беззвучности гробовъ спокойны, какъ природа,
Милльоны червяковъ ѣдятъ людскія туши...
Отъ травъ струится въ ночь, какъ ладанъ, запахъ меда
И бродятъ при лунѣ влюбленныхъ мертвыхъ души.

И въ красномъ сюртукѣ плута-магнетизера
Къ нимъ homo sapiens несетъ съ подмостковъ розу.
И въ кладовыхъ своихъ тончайшій умъ актера
Взрываетъ мусоръ словъ, ища костюмъ и позу.

Я верблюдь, черезчуръ нагруженный
Всѣмъ богатствомъ, что только могли
Люди видѣть въ лазурной дали
И душой оплатить восхищенной.
Взявъ сокровища грузъ благовопный
Мы пустыней обратно брели,
Я, верблюдь, и феллахъ прокаженный,
Проводникъ мой, мой умъ, раздраженный
И печальный изгнанникъ Земли...
Я упалъ подъ тюками въ пыли.

Тяжелы на истертыхъ плечахъ
Драгоценности рынковъ далекихъ!
Какъ онъ хлещетъ меся, мой феллахъ,
Между глазъ, утомленно-глубокихъ...
И пѣвцу всѣхъ путей одинокихъ
Передъ смертью являетъ Аллахъ
Самый добрый мпражъ на холмахъ:
Рощи пальмъ на озерахъ широкихъ,
Земледѣльцевъ средь женъ черноокихъ...
Идыхаю въ горячихъ пескахъ.

Есть шелестъ шелковый намъ дорогого платья
Любимой женщины, идущей тихо къ намъ,
Чтобъ провести, грустя, рукой по волосамъ...
Ты голову прижмешь къ ея худымъ плечамъ,
Несущимъ ароматъ давнишняго объятъ,
И думаешь о томъ, что такъ смѣшны проклятя,
Что мы, ничтожные, давно добры, какъ братья,
Что намъ нельзя, нельзя не измѣнить мечтамъ!..

Такъ хрупкій вечеръ мой, неизъяснимо странный,
Съ какой-то женственной, серьезной чистотой
Приходить въ комнату, гдѣ книги и диваны,
Ковры, оружіе, старинные романы,
Раблэ, и Свифтъ, и Скоттъ; и бюсты—чередой
Уроды свѣтлые, излюбленные мной—

Здѣсь Квазимодо, Панъ, Вольтеръ, Сократъ... Какъ пьяный
Гашишемъ нѣжности, я мучимъ добротой!

Что въ жизни я искалъ? Пергаментовой пыли!
Я наложить хотѣлъ чертежъ на небеса
Отчетливый, сухой и строгій, какъ глаза
И щеки желтыя патриція, что были
Прелестиѣй для меня, чѣмъ юная краса!..
О женщина, о та, съ духами вялыхъ лнцій,
Приди, приди ко мнѣ въ часы моихъ безспій,
Приди, приди ко мнѣ, погладь мнѣ волосы!

* * *

Я, замкнутый въ квадратъ со скучными углами,
Подъ бѣлой простыней, какъ длинный, потный трунъ
Съ уставленными въ мракъ незрящими глазами,
Когда тяжелый мозгъ надмененъ, прямъ и тупъ,
Какъ древній фараонъ священными ногами,

Я взвѣшиваю міръ. Сходя съ ума, въ постели,
Я чую сладостно, какъ въ мракѣ и тиши
Мышленья мѣрныя и черныя качели,
Какъ висѣлица въ тѣмѣ, качаютъ Божьи цѣли
И ужасъ вскрикнувшей и смолкнувшей души.

И знаю я тогда, холодный и безкрайный,
Что все, что строимъ мы, мы строимъ на пескѣ,
Что обладаніе дѣйствительное Тайной
Обязываетъ насъ дрожать въ дырѣ случайной
Съ кривой улыбкою на восковомъ лицѣ.

МЕЧТЫ.

Миражи нѣжные блуждаютъ по пустынѣ,
Алхимики подчинилъ планеты янтарию,
И похотливыя ласкаются рабыни
Къ давно безсильному отъ мудрости царю.

И такъ же, только Ночь накинеть крепь на Атомъ,
Гдѣ неизмѣнный кругъ свершаетъ лилипутъ—
Мечта, познаніе и вѣра въ звѣздный фатумъ
И музыкальный вздоръ въ поэтѣ оживутъ...

* * *

Сегодня я факиръ съ недвижимымъ и дальнимъ
Презрѣніемъ вещей въ померкшемъ важно взорѣ;
Сегодня я кажусь, какъ эйсбергъ ночью въ морѣ—
Неловкимъ, тягостнымъ, правдивымъ, колоссальнымъ.

Но будто въ глубинѣ какого-то колодца
Во мнѣ загадочно и весело смѣется
Эффектной женщины порочно-ясный взглядъ
И отблески грѣха на черномъ днѣ дрожатъ
Какъ тѣ, что чуются въ кинжалахъ, въ амулетахъ,
Въ брильянтахъ дерзостныхъ и въ лживѣйшихъ поэтахъ.

* * *

Когда я буду старъ, я буду, какъ гравёръ,
Язвительный, печальный, но довольный...
Кладущій медленно на хаосъ и просторъ
Едва начерченный, но правильный узоръ,
Легко-стираемый, ненужный, произвольный...

И будетъ контуровъ необычайно много!
Рисунки душъ, эпохъ, и мѣстностей, и Бога,
Всѣ выползутъ изъ тьмы, медлительны, страшны,
Какъ утонченныя, уродливыя сны,
Какъ тѣ чудовища, что населять должны
Кошмаръ геолога или палеонтолога.

И будутъ знать они, творимые кошмары,
Что въ мой послѣдній часъ, я—деревянно-старый,
Я не почую рукъ мнѣ самыхъ дорогихъ,
Что формы дальняго затмятъ моихъ родныхъ
И, глядя въ призраки, я выпью снова чары
Несуществующихъ, холодныхъ и пустыхъ...

Assai palpitasti...

Leopardi.

Когда закончить духъ послѣднюю эклогу,
И Marche funebre, дрожа, порветъ послѣдній звукъ,
И улетитъ съ чела тепло ласкавшихъ рукъ—
Праха отойдетъ къ землѣ, а духъ вернется къ Богу
И смыслъ всей жизни, Всей, откроется мнѣ вдругъ..
И нищимъ я пойду къ далекому чертогу.

Средь бѣлыхъ коллонадъ тамъ будутъ такъ легко
Бродить задумчиво синѣющія тѣни,
Какъ самый нѣжный грѣхъ, упавшій на козѣни..
Тамъ будутъ сонмы женъ съ запавшимъ глубоко
Въ лазоревыхъ глазахъ познаніемъ всего,
И къ Богу поведутъ прекрасныя ступени.

И я туда войду, кривляясь безпокойно,
Сдирая струпы съ ранъ, какъ Діогенъ въ пыли,
Что въ жертву вшей принесъ когда-то недостойно,
И вотъ предъ Богомъ храмъ раздвинется спокойно,
Неизъяснимое представится вдали
И тихо скажетъ Богъ: „кто ты, пришлецъ Земли?“

—Твой вѣрный Арлекинъ, великій Господине,
Жонглеръ и мученикъ, который не въ пустынь,
А на асфальтѣ жилъ, но бичевалъ себя;
Который вѣчно лгалъ, все портя, все губя,
Смѣлся надъ Тобой и плакалъ такъ, какъ нынѣ,
Что онъ всю жизнь любилъ на свѣтѣ лишь Тебя!

Т р о т т у а р ъ.

Моя душа соткана изъ грязи,
пѣвности и грусти.

В. Розановъ. Уединенное.

Л А Н Д Ы Ш И.

Когда надломить мозгъ та страшная усталость,
Что придаетъ щекамъ безжизненную впалость,
Потусторонній блескъ замученнымъ глазамъ
И міръ сомнамбула встаетъ вокругъ, какъ храмъ,
А улица гремитъ, какъ пьяный негръ въ тимъ-тамъ,—
Въ насъ просыпается мучительная жалость
Къ цвѣтамъ и дѣвушкамъ, особенно къ цвѣтамъ...

Сегодня вечеромъ у нищей подъ рекламой,
Зовущей въ кинемо, я ландыши купилъ.
Я шелъ, упрямо шелъ за незнакомой дамой
Фантастомъ ледянымъ, нахальнымъ Далай-Ламой;
Конечно, ландыши я ей-бы предложилъ,
Но... но... ихъ аромать... ихъ аромать... онъ былъ...
Какъ мы въ шестнадцать лѣтъ!.. когда я такъ любилъ!

Что сдѣлали со мной съ тѣхъ поръ мои поступки?
Ахъ, эти ландыши, какъ бѣленькія юбки
Дѣвицъ въ шестнадцать лѣтъ... Ахъ, дорогой букетъ!
Какъ вѣтъ чистотой стыдливый ландышъ хрупкій,
Что любить скромность, тишь, улыбку, полусвѣтъ...
Я ландыши вдыхалъ подъ грохоты каретъ...
Ахъ, эти ландыши, какъ мы въ шестнадцать лѣтъ!

* * *

Хранять Значеніе громады улицъ строго
Средь звонкой и почной, нарочной тишины.
Мнѣ кажется, что все, что дарить мнѣ дорога,
Лишь декораціи торжественно-нѣмого
И столь возвышенно-больного Сатаны.
Я въ мертвомъ городѣ глубокой старины.

Быть можетъ, я бреду, все позабывъ и спутавъ,
Средь капищъ Мексики; и я Полишинель,
Буффонъ предъ идоломъ! Иль нѣжный менестрель?
Но днемъ была больна вотъ эта-же панель
Несносной лаліей тревожныхъ лилипутовъ
Съ глазами кроляковъ и щупальцами спрутовъ!

И скучно вбрул въ реальность привидѣній,
Царапалъ мыслью я свой величавый бредъ...
Навстрѣчу кто-то шелъ изъ гулкихъ отдаленій.
Онъ былъ каменнолицъ и хорошо одѣтъ.
Какъ я навѣрно зналъ, что этотъ силуэтъ
Былъ дэнди, и маньякъ, но въ то-же время гений.

ТРУЛАЛА.

Мы живемъ далеко другъ отъ друга,
Мы смѣемся надъ всѣми словами...
У меня далеко есть подруга...
Гдѣ теперь она, въ Ниппѣ, въ Сіамѣ,
Трулала съ большими глазами?

Въ Трулала такъ прелестны и гадки
Угловатость манеръ и остроты,
Какъ малы башмачки и перчатки
Трулала, этой милой загадки...
Трулала, я чувствую, кто ты...

Мефистофель ведетъ по панели
Къ неизвѣстности ленты кадрили,
Котильонъ неимѣющихъ цѣли,
Но влюбленныхъ въ шикарные стили!
Трулала, васъ тамъ полюбили?

Оправдавъ, усмѣхаясь, паденья,
Мы играемъ съ огнемъ и самумомъ:
Я краду, гдѣ попало, мгновенья,
Трулала знаетъ всѣ преступленья...
Трулала, послѣдній былъ грумомъ?

Будеть въ мірѣ дурная страница,
Будеть самый скупой, безконечный,
Нудный вечеръ, въ который не спится...
Кто-то тихо ко мнѣ постучится...
Трулала? Войдите, конечно!

Я безмолвно сниму съ нея шляпку,
Трулала стала тоньше и строже,
Я цѣлую, цѣлую перчатку...
Это больно, и грустно, и сладко...
Трулала, ты плачешь?.. Я тоже...

И обнявшись угрюмо и страстно,
Мы молчимъ... Или „рада“?—„да, рада“...
Какъ мы знаемъ,—все въ мірѣ напрасно,
Какъ старѣемъ мы съ ней ежечасно...
Трулала... молчите... не надо...

*
* * *

Чуть въ міръ вступила бархатная тьма,
Любимыя созвѣздія Мадонна,
Чтобъ божьимъ служкамъ дать примѣръ, сама
Зажгла меланхолично и влюбленно.
Растутъ готически и неуклонно
Окутанные трауромъ дома.
Какъ явно, что Вселенная бездонна,
А городъ—муравейникъ и тюрьма!

Предъ фееріей высохшій астрономъ
Ползетъ на башню, точно муэдзинъ;
Апашъ становится на стартъ съ закономъ;
На вольнодумца чернымъ капюшономъ
Спускается неизлѣчимый сплинъ;
Стоитъ лунатикъ на краю глубинъ;
Въ мечтахъ горбунъ—паукъ и Лоэнгринъ!—
Крадется къ отвратительнымъ притонамъ.